

Ванька Жуков, ставший почетным гражданином

В семейных историях XX века причудливо переплетались счастье и несчастье

Екатерина Федорова

Ходила по Москве – и дошла до наших дней – история про Николая Зайцева, кухонного мальчишку, а позже мецената, «почетного гражданина» столицы, владельца изысканного ресторана. С его внучкой – Кирой Михайловной Бутыко – мы беседуем сегодня.

Кира Михайловна, ваш дед был известный всей Москве начала XX века повар-искусник, который после революции организовывал кухню первых съездов партии. Как начиналась его карьера?

– Отец моего дедушки Николай Васильевича Зайцева был повар. Он отдал сына в обучение, как Ваньку Жукова, поварскому делу, и у ребенка была так называемая крепостная грамота. Что это такое, сейчас мало кто представляет: в конце XIX века она являлась договором, по которому хозяин, у которого Николай Васильевич жил и учился, имел право на все, вплоть до телесного наказания этого полукрепостного. К сожалению, она пропала во время войны, когда мама ехала в эвакуацию. А в 1932 году эта грамота спасла его: Николай Васильевича хотели лишить всех прав, потому что когда-то у него был собственный ресторан. Кроме того, после революции его переселили из собственной квартиры на Воздвиженке на Арбат, в квартиру, где раньше жил какой-то очень богатый человек, уехавший за границу, и деда принимали за него, просто путали. Абсурдная история, каких было немало. И вот его объявили лишенцем, не давали ему паспорта, и он должен был уезжать.

– Куда уезжать?

– В Сибирь, наверное. Но благодаря крепостной грамоте Николаю Васильевичу дали паспорт, вернули гражданские права, и он мог потом работать. Все-таки он был очень известным в Москве поваром. Московское купечество восхищалось невероятной искусностью Зайцева в поварском деле, приглашало его на все торжества. И вот однажды к нему обратились представители московских купцов и сказали: «Николай Васильевич, пора бы уж тебе обзавестись своим делом», – собрали и дали ему на это немалые деньги. Он ими распорядился так: уже взрослым, сложившимся человеком поехал вновь учиться кулинарии в Германию. А когда вернулся из Германии, открыл на углу Моховой

и Воздвиженки – в здании, где потом помещалась приемная Верховного Совета – ресторан «Новый Петергоф»: раньше там же у другого владельца была гостиница «Петергоф».

– И это был, говорят, университетский ресторан?

– В этом ресторане в Татьянин день всех кормили бесплатно. И жила семья Николая Васильевича в этом доме. У них квартира была большая, девятикомнатная. Я-то там никогда не была. А вот когда я была маленькой, я помню, на входных дверях на Моховой еще сохранялась медная табличка: «Николай Васильевич Зайцев».

Николай Васильевич много занимался благотворительно-

стью. Например, он давал стипендии студентам Московского коммерческого училища имени Алексеева (сейчас это Плехановский институт). Кстати, он строил дачи под Москвой, которые, естественно, сдавал. Я знаю, что перед революцией он стал почетным гражданином Москвы за заслуги в благотворительной деятельности.

– Эти дачи навязывают нам, лучше знающим литературу, чем реальную отечественную историю, параллели с персонажами книг. Мальчик, превратившийся в буржуа, расчетливый, но со светлыми идеями о будущем разумном общественном устройстве, – это же Лопахин чеховского «Вишневого сада»? Почему-то им народом» совершенно искренно, и стали довольно крупными советскими военачальниками. И оба погибли в 30-е годы.

– Как это произошло? За что?

– Мальчик работал в Кремле электриком, ему было лет четырнадцать. Году в девятнадцатом или двадцатом он и еще другой паренек работали на лесенке (там потолки очень высокие), она пошатнулась, тот паренек вылетел в окно, оно разбилось. Разбили окно – уже враги народа. После этого Николай Васильевич не мог не уйти из Кремля, стал преподавать на Дорхимзаводе. Ну, а с помощью, видимо, Владислава Коханского Владимира из Соловков позже вызволили. В 1941 году Владимир ушел в ополчение (оно состояло в основном из московской интеллигенции), а поскольку был страшно близорук, очень скоро погиб.

Умерли и Николай Васильевич, и Мария Иосифовна в 1938 году. Интересно, что дед всегда говорил бабушке, упрекавшей его за супружескую неверность: «Ты на меня не сердись, я все равно уйду и тебя здесь не остав-

лю, возьму с собой». Так и вышло – она ушла за ним через двадцать дней. Ну, им еще 38-й год помог. Потому что ведь когда их дочь Таню привезли из Нерчинска...

– А при чем здесь Нерчинск?

– Потому что ее мужа комкора Коханского, прежде чем арестовать, из Ленинграда отправили в Нерчинск, к Блохеру. Там у Коханского и Тани родился сын Станислав, ему было три месяца, когда в Нерчинске его отца забрали, увезли в Москву и расстреляли. С дороги Владислав еще успел бросить открытку Тане: «Не волнуйся! Это недоразумение». Но он был уже не первый, арестованный «по недоразумению». А Тане не разрешали появляться в Москве. Но были и тогда хорошие люди. Ее встретил на платформе некий гражданин, который сказал встречавшим: «Если вы хотите, чтобы она осталась с детьми, увезите ее из Москвы». Я помню, как ходили мы по Подмоскovie, искали, кто бы ее с тремя детьми пустил в дом. Нашелся кто-то. И дедушка с бабушкой, старенькие, по очереди там жили, потому что Таня начала пить.

Дальше, когда дедушка с бабушкой умерли, дети были с нами. Таня днем тоже находилась у нас, а каждую ночь искала, где бы ей переночевать. Было много друзей, родственников, но не каждый ее пускал к себе. И однажды она заболела. И моя мама, ее сестра, сказала: «Таня! Не уходи никуда. Вот мы сядем в кресла и будем всю ночь сидеть, как будто и не ложились спать, разговаривать». Ну, соседи, конечно, быстренько донесли. Сейчас же пришли «дядечки». Но когда они увидели, как Таня плохо, – ушли, оставили ее в покое... Потом она долгие годы скиталась с детьми – жила за городом, в Балашихе, там и работала.

– Случай почти фантастический, что оставили в покое.

Николай Зайцев – повар.

Фото из семейного архива